

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ПРИНУЖДЕНИЯ В ПУБЛИЧНОМ ИНТЕРЕСЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Э.А. Кузбагаров

ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», г. Москва

Актуализируются причины утраты и возобновления интереса к учению о юридической герменевтике. Последнее следует отличать от толкования. Отмечается, что большинство исследователей отождествляют данные категории. Автор же полагает, что юридическая герменевтика, в отличие от толкования, стремится дать методологическое объяснение. Юридическая герменевтика может стать ключом в объяснении категорий добросовестности и разумности, которые рассматриваются в гражданском праве как принципы, презумпции и бремя. Используя категории «добросовестность», «разумность» и ранее разработанную категорию «публичный интерес», автор формирует новое определение «принуждения в публичном интересе в гражданском праве». Приводятся доказательства частичного поглощения гражданско-правового принуждения административно-правовым принуждением.

Ключевые слова: юридическая герменевтика, толкование, принуждение, публичный интерес, культурный код, добросовестность, разумность, бремя.

Учение о герменевтике переживало периоды увядания и рассвета. В дореволюционный период изучением герменевтических проблем занимались видные ученые – например, Е.В. Васьковский, Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий¹. Утрата интереса была связана с социальными катаклизмами, изменением общественного мировоззрения и правовой идеологии с 1917 по 1950-е гг. В указанный промежуток приоритетным источником права при отсутствии определенности отношений становится «революционное правосознание». Исследование толкования и применения права становится неактуальным. Право являлось инструментом для поддержания идеологической направленности. С начала 50-х по 80-е гг. XX в. отмечается период возобновления интереса к герменевтической проблематике нормативно-правовых актов, несмотря на формальный отказ. В начале XXI в. возвращается актуальность герменевтической проблематики текстов. Основными задачами становятся разработка понятийно-категориального аппарата, методологии и применение их в отраслях юридической науки. По настоящее время наблюдается активное развитие данного направления, о чем свидетельствует постоянно увеличивающееся число отечественных исследований.

Искусство толкования смысла письменных текстов стало отправной точкой понимания юридической герменевтики. Но более глубокого понимания того, что же представляет собой юридическая герменевтика, до сих пор нет, как нет и единого понимания, что такое юридическая герменевтика. Так, С.С. Алексеев понимал под юридической герменевтикой вершину мастерства толкования юридических терминов и понятий². И.П. Малинова определила юридическую герменевтику как «науку о понимании в правовой коммуникации, главной функцией которой является обеспечение соответствующей духу права интерпретации юридически значимых текстов и фактов»³. Согласно позиции А.Н. Гермашева, юридическая герменевтика – наука о способах уяснения и разъяснения смысла правовой нормы (воли) (толкование), а также знания о способах изложения правовой нормы, воли в юридическом тексте (юридическая техника)⁴. Из

¹ См. подробнее: Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002.; Петражицкий Л.И. Что такое право? // Вестник права. 1899. №1. С. XXIV—XXV.; Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 2 (по изданию Бр. Башмаковых 1920 г.). М.: Право, 1995. 516 с.

² Алексеев С.С. Государство и право: учеб. пособие. М., 2009. С. 134.

³ Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика: монография. М.: Норма, 2018. С. 109.

⁴ Гермашев А.Н. Юридическая герменевтика как наука о способах изложения воли в юридическом тексте и способах ее толкования // Законы России. 2010. № 1. С. 82 – 85.

представленных мнений ученых следует, что юридическая герменевтика приближена или приравнивается к толкованию, т.е. уяснению смысла юридического акта, который закладывал законодатель.

Автор полагает, что юридическая герменевтика и толкование находят свое сходство при устранении субъективизма в правопонимании и правоприменении. Отличие заключается в том, что юридическая герменевтика методологически обеспечивает переход от понимания смысла нормы права к объяснению его сущности, в то время как толкование главным образом сосредотачивается исключительно в сфере правоприменения. Таким образом, наличие методологической составляющей в юридической герменевтике позволяет ее отличить от толкования, что делает ее более объемной в понимании.

В отличие от толкования, которое ограничивается наличием текста в нормативно-правовом акте, юридическая герменевтика может помочь в изучении категорий, нормативное определение которых отсутствует. Например, к таким категориям можно отнести «добросовестность» и «разумность».

Категории «добросовестность» и «разумность» используются в гражданском законодательстве систематически и с разной смысловой нагрузкой. Содержание указанных категорий меняется в зависимости от контекста нормативно-правового акта и преследуемых целей законодателем. Видимо, в связи с этим законодатель не закрепил нормативного определения понятий «добросовестность» и «разумность», а оставил их в разделе оценочных.

В теории и практике гражданского права закрепились три варианта понимания категорий добросовестности и разумности: принципы, презумпции и бремя. Закрепление добросовестности и разумности как принципа формирует основополагающие начала действия гражданского законодательства, презумпция предопределяет, что действия участников гражданских правоотношений были добросовестными и разумными, если не доказано иное, бремя означает, что стороны правоотношений должны (обязаны) действовать по отношению друг к другу добросовестно и разумно.

Квалификация юридических фактов, т.е. сопоставление реальных жизненных событий с нормами права, позволяет понять, что произошло с юридической точки зрения⁵. Поскольку категории «добросовестность» и «разумность» очень тесно переплетаются с нравственной сферой, то отсутствует возможность установить четкие критерии, позволяющие говорить об их соблюдении. Следовательно, добросовестность и разумность следует отнести к культурному коду. Как правило, культурные коды в обществе заранее не придумываются, а формируются постепенно и стихийно. Культурные коды более известны, как традиции, олицетворяющие собой стандарт⁶.

Судебная практика разъясняет, что при оценке действий как добросовестные или недобросовестные следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации⁷. К сожалению, указанное разъяснение не позволяет сформировать полного представления о том, что же является добросовестностью, а лишь указывает на необходимость руководствоваться ожидаемым поведением от участников отношений. Поскольку оценка действий как добросовестные или недобросовестные дается исключительно судом, означает ли это, что должны удовлетворяться ожидания суда? Автор полагает, что нет. Суд должен оценить их с позиции соответствия общественной морали и закону. Добросовестность можно рассматривать как объективное и субъективное явление. Объективное означает его формальное закрепление в позитивных нормах, что позволяет уравновесить интересы между участниками. Субъективное означает внутреннее понимание и осознание субъектом правомерности действий. При оценке действий субъекта как добросовестные Т.В. Дроздова предлагает руководствоваться следующими критериями:

⁵ Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика: монография. М.: Норма, 2018. С. 117.

⁶ Там же. С. 115.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

- 1) нарушение прав других участников, которое влечёт наступление последствий, установленных законом;
- 2) субъект не знал об обстоятельствах, которые привели к нарушению прав;
3. незнание не порождает наличия вины субъекта (без умысла и неосторожности)⁸.

Применительно к первому критерию автор полагает, что недобросовестные действия могут быть совершены без учета последствий, установленных законом. Например, при физическом воздействии на автомобиль (удар ладонью) последствий в виде причинения вреда не допущено, однако из-за указанных действий нарушается право на неприкосновенность собственности.

Е.Е. Богданова представила добросовестность как сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаем или судебной практикой систему представлений о нравственном поведении участников договора. Нравственность поведения оценивается на основе противопоставлений категорий добра и зла. Поведение, отвечающее представлениям о добре, относится к добросовестному, и наоборот. К добросовестному поведению следует относить в первую очередь правомерное поведение. Протиправное поведение допускается оценивать как добросовестное только в случае, если закреплено законом, обычаем или судебной практикой⁹. Автор согласен с представленным мнением и полагает, что оно позволяет сформировать общую картину о категории добросовестности.

В онтологическом смысле категория «разумность» рассматривается как свойственная человеку познавательная способность к систематизации знаний о вещах, явлениях, событиях, т.е. обнаружение связи и целесообразности в действиях. Как и «добросовестность», категорию «разумность» можно рассматривать в объективном и субъективном смысле. В объективном она выступает в качестве принципа и является мерилем оценки действий субъектов права. В субъективном смысле является внутренним механизмом реализации права, обусловленной целесообразностью действий (бездействий). Действовать разумно – значит удовлетворять не личные потребности, а преследовать цели, допустимые правом, правомерным путем. Содержательным признаком разумности следует считать целесообразность¹⁰.

Предполагается, что человек стремится или должен стремиться к поведению, которое соответствовало бы представлениям общества как добросовестное и разумное. Но стоит ли этого ожидать, если в ст. 1 ГК РФ закреплено, что стороны гражданских правоотношений приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе¹¹. Ключевое значение здесь имеет «в своем интересе». Означает ли это, что участник правоотношения может пренебрегать интересами своего контрагента? По мнению автора, ответ на поставленный вопрос можно найти, если рассматривать правоотношение под «углом» бремени добросовестности и разумности.

Участники правоотношения действительно стремятся к удовлетворению собственного интереса (в большинстве случаев), но реализация такого интереса должна иметь свои ограничения, поскольку ничем не ограниченная реализация личного интереса может привести к нарушению интересов, причинению вреда другой стороне. Для недопущения подобной ситуации целесообразно приравнивать добросовестное и разумное поведение к обязанности сторон. Подобный подход одновременно ведет к формированию гражданского правопорядка, где публичный интерес превалирует над частным.

Например, согласно ст. 210 ГК РФ бремя содержания принадлежащего собственнику имущества возлагается на этого собственника¹². Автор полагает, что обязанность по содержанию имущества должна реализовываться добросовестно и разумно, т.е. собственник воздушного транспорта обязан постоянно наблюдать за его работоспособностью, осуществлять техническое обслуживание, своевременно осуществлять замену изношенных деталей. Перечисленные и иные

⁸ Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

⁹ Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 11 - 12.

¹⁰ Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 7

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹² Там же.

действия должны выполняться не только с позиции содержания имущества, но и в плане безопасности как для потенциальных пассажиров, так и иных окружающих лиц.

Приведенный выше пример прекрасно сочетается с принуждением в публичном интересе в гражданском праве. В ранних работах автора уже рассматривалась категория «публичный интерес» и был определен круг научных проблем, связанных с ней. Было предложено определение публичного интереса – это круг общественно значимых целей защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, признаваемый публично-правовым образованием, обеспеченный правом в пользу неопределенного круга лиц¹³.

Публичный интерес стремится удовлетворить потребности достаточно большого слоя населения, поэтому для его реализации необходим соответствующий механизм, подкрепленный гражданско-правовым принуждением к конкретному поведению. Такое принуждение может быть инициировано не только заинтересованными лицами, но и тем, кто уполномочен защищать интересы неопределенного круга лиц, например прокурором (ст. 45 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации¹⁴). Под полномочиями, которые ведут к принятию конкретных решений или действий, автор понимает не право уполномоченного лица, а обязанность при наличии на то оснований.

Гражданско-правовое принуждение, как и любое другое принуждение, должно носить законный характер, а значит, оно должно соответствовать и быть в рамках, установленных законом или соглашением сторон (последнее характерно соответственно только для гражданско-правовых отношений). Автор видит возможность достижения гражданско-правового принуждения за счет мер административно-правового принуждения, применяемого правоохранительными органами. Например, в орган внутренних дел Российской Федерации поступила информация о продаже контрафактных товаров. В ходе проверки данная информация нашла свое подтверждение, был составлен административный материал по ст. 14.10 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации с последующей конфискацией предметов, содержащих незаконное воспроизведение товарного знака¹⁵. Таким образом, было пресечено нарушение прав правообладателя товарного знака, а также конфискованы контрафактные товары. Защита прав правообладателя товарного знака может реализовываться без его участия. Аналогичные последствия возможны в случае применения мер гражданско-правового принуждения правообладателем по отношению к нарушителю. В результате наблюдается процесс частичного поглощения мер гражданско-правового принуждения административно-правовым принуждением.

Автор полагает, что использование нравственных категорий в сочетании с принуждением является уместным для достижения целей правопорядка. В качестве таких категорий целесообразно использовать добросовестность и разумность, понимаемые как бремя для сторон правоотношения.

Исходя из изложенного, можно сформулировать понятие принуждения в публичном интересе в гражданском праве – это основанное на законе или договоре обязательное поведение лица для защиты общественно значимых целей, опирающееся на бремя добросовестности и разумности и свойства императивных норм. Стоит отметить, что ранее попыток дать определение указанной категории не предпринималось.

Таким образом, юридическая герменевтика может быть средством для понимания нравственных категорий в праве. Восприятие добросовестности и разумности как бремени способствует формированию гражданского правопорядка. Автором предложено определение принуждения в публичном интересе в гражданском праве.

¹³ Кузбагаров Э.А. Категория публичный интерес в гражданском праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 190.

¹⁴ Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532,

¹⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
5. Алексеев С.С. Государство и право: учебное пособие. М.: Проспект, 2009. 148 с.
6. Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 63 с.
7. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002.
8. Васюк А.В. История возникновения и развития юридической герменевтики в России: дис. ... канд. юр. наук. М., 2011. 215 с.
9. Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 21 с.
10. Гермашев А.Н. Юридическая герменевтика как наука о способах изложения воли в юридическом тексте и способах ее толкования // Законы России. 2010. № 1. С. 82 - 85.
11. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
12. Кузбагаров Э.А. Категория публичный интерес в гражданском праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 186 – 192.
13. Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика: монография. М.: Норма, 2018. 176 с.
14. Петражицкий Л.И. Что такое право? // Вестник права. 1899. № 1. С. XXIV—XXV.
15. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 2 (по изданию Бр. Башмаковых 1920 г.). М.: Право, 1995. 516 с.

Об авторе:

КУЗБАГАРОВ Эдуард Асхатович – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров ФГКОУ ВО «Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (Россия, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12); e-mail: jaksonic93@mail.ru.

LEGAL HERMENEUTICS COMPULSION IN PUBLIC INTEREST IN CIVIL LAW

E.A. Kyzbagarov

Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot

In article the author describes the reasons for the loss and renewal of interest in the doctrine of legal hermeneutics. The latter should be distinguished from interpretation. It is noted that most researchers identify these categories. The author, however, believes that legal hermeneutics, in contrast to interpretation, seeks to provide a methodological explanation. Legal hermeneutics can be the key to explaining the categories of good faith and reasonableness, which are considered in civil law as principles, presumptions and burdens. Using the categories of good faith, reasonableness and the previously developed category of public interest, the author forms a new definition of coercion in the public interest in civil law. The author notes and provides evidence of a partial absorption of civil law enforcement by administrative law enforcement.

Keywords: *legal hermeneutics, interpretation, compulsion, public interest, cultural code, conscientiousness, reasonableness, burden.*

About the author:

KUZBAGAROV Eduard – postgraduate student faculty of preparation of scientific and pedagogical staff of Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot (Russia, Moscow, st. Academician Volgin, 12); e-mail: jaksonic93@mail.ru.

Кузбагаров Э.А. Юридическая герменевтика принуждения в публичном интересе в гражданском праве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 208 – 215.